

Аксиологический поворот в российском элитогенезе: от плюрализма к государственно-цивилизационной консолидации

An axiological turn in Russian elitogenesis: from pluralism to state-civilizational consolidation

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-39-56

УДК 32.001.5

Получено: 20.01.2026

Одобрено: 23.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Артюхин О.А.

Канд. полит. наук, доцент, профессор кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону; доцент кафедры «Теория и история государства и права», ФГБОУ ВО «Донской государственной технической университет», г. Ростов-на-Дону
e-mail: oart1969@mail.ru

Artyukhin O.A.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don; Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don
e-mail: oart1969@mail.ru

Иванова Л.Л.

Канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону
e-mail: ivanova-ll@ranepa.ru

Ivanova L.L.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management –branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don
e-mail: ivanova-ll@ranepa.ru

Аннотация

Цель настоящей работы состоит в обосновании аксиологического поворота в теории политических элит и выявлении ценностно-цивилизационных детерминант эволюции российской элиты. *Методология* исследования базируется на интеграции сравнительно-исторического анализа, используемого для выявления преемственности ценностных кодов, дискурс-анализа официальных документов и публичных выступлений для выявления аксиологических элитных установок, и институционального подхода для изучения механизмов рекрутинга и ротации. В рамках статьи элитогенез интерпретируется как институционально опосредованный политический процесс, включенный в динамику властных взаимодействий и управленческих технологий. Показано, что ценностные установки

правлящих групп выполняют функцию нормативного регулятора институционального поведения элит, определяя характер использования политических технологий, модели принятия управленческих решений и формы взаимодействия с социальными и политическими акторами. В данном контексте элита выступает как субъект институционального проектирования и трансформации политических процессов, а не исключительно как носитель формального властного статуса. Авторами сделан *вывод* о переходе современного российского элитогенеза от плюралистической модели к модели управляемой аксиологической консолидации вокруг проекта «государства-цивилизации». Ключевыми чертами этой трансформации являются: примат идеологической лояльности над меритократией, усиление роли силовой элиты, централизация кадровых процессов и использование дискурса традиционных ценностей в качестве инструмента эффективного управления в условиях глобальных вызовов. Выявленные тренды и противоречия между идеологической замкнутостью и потребностью в инновациях имеют *практическое значение* для прогнозирования траекторий политического развития и кадровой политики.

Ключевые слова: политическая элита, элитогенез, государство-цивилизация, аксиологический подход, историческая преемственность, легитимация власти, традиционные ценности.

Abstract

The purpose of this work is to substantiate the need for an axiological turn in the theory of political elites and to demonstrate a value-civilizational approach using the example of the evolution of the Russian elite. The research methodology is based on the integration of comparative historical analysis used to identify the continuity of value codes, discourse analysis of official documents and public speeches to identify axiological elite attitudes, and an institutional approach to study the mechanisms of recruiting and rotation. Within the framework of the article, elite genesis is interpreted as an institutionally mediated political process involved in the dynamics of power interactions and management technologies. It is shown that the value attitudes of the ruling groups perform the function of a normative regulator of the institutional behavior of the elites, determining the nature of the use of political technologies, models of managerial decision-making and forms of interaction with social and corporate actors. In this context, the elite acts as a subject of institutional design and transformation of political processes, and not solely as a carrier of formal power status. The authors conclude that modern Russian elitogenesis is moving from a pluralistic model to a model of guided axiological consolidation around the «state-civilization» project. The key features of this transformation are: the primacy of ideological loyalty over meritocracy, the strengthening of the role of the power elite, the centralization of personnel processes and the use of the discourse of traditional values as a tool for effective management in the face of global challenges. The identified trends and contradictions between ideological isolation and the need for innovation are of practical importance for predicting the trajectories of political development and personnel policy.

Keywords: political elite, elitogenesis, state-civilization, axiological approach, historical continuity, legitimization of power, traditional values.

Введение

Актуальность данной темы обусловлена кризисом универсалистских элитологических моделей и усилением ценностно-идентификационного измерения политики. Классические теории элит, сосредоточенные преимущественно на институциональных механизмах рекрутирования и циркуляции, демонстрируют ограниченные возможности при анализе политических процессов, в которых легитимность власти определяется не только управленческой эффективностью, но и способностью элиты выражать и защищать коллективную цивилизационную идентичность. Особенно отчетливо данный разрыв проявляется в условиях трансформации политических элит современной России, где ценностный фактор выступает системообразующим элементом государственного развития.

Цель статьи заключается в выявлении и анализе эволюции аксиологических оснований формирования политической элиты России в рамках цивилизационного подхода, а также в определении роли ценностей как ключевого фактора легитимации, консолидации и воспроизводства власти в условиях современных социокультурных и геополитических трансформаций.

Авторская гипотеза состоит в том, что современный российский элитогенез характеризуется переходом от плюралистических и институционально ориентированных моделей к модели управляемой аксиологической консолидации, в которой ценностные установки и историко-цивилизационные коды становятся системообразующим фактором формирования, рекрутинга и легитимации политической элиты.

В рамках исследования интерпретируется ряд ключевых политологических понятий. Элитообразование понимается как исторически и институционально обусловленный процесс формирования, отбора и воспроизводства правящей группы, обладающей ресурсами политического управления и влияния.

Аксиологические основания элитообразования трактуются как совокупность базовых ценностей и смысловых установок, определяющих критерии элитного рекрутирования, модели поведения и способы легитимации власти. Государство-цивилизация рассматривается как особый тип политической организации, в котором государственная власть и элита функционируют в логике устойчивого культурно-исторического и ценностного кода, определяющего специфику политического развития и национального суверенитета.

Обзор научной литературы

Проблематика политических элит и процессов элитообразования занимает устойчивое место в структуре политологического знания и имеет развернутую теоретико-методологическую традицию. Формирование базовых аналитических рамок элитологического дискурса связано с классическими теориями элит, представленными в трудах В. Парето [20], Г. Моски [31] и Р. Михельса [17], в концепциях которых элита интерпретируется как структурно необходимый элемент социальной организации, обеспечивающий функции управления, координации и воспроизводства властных отношений.

Г. Моска, вводя понятие «политического класса», акцентировал внимание на институционально организованном характере правящего меньшинства и механизмах его рекрутирования и самовоспроизводства. Политическая власть рассматривалась им преимущественно в контексте организационного превосходства элиты над массами, тогда как ценностные и мировоззренческие основания власти интерпретировались главным образом как средства легитимации сложившегося порядка. В. Парето, разрабатывая теорию циркуляции элит, анализировал динамику смены правящих групп через призму психологических и функциональных типов, придавая при этом второстепенное значение аксиологическому измерению элитного господства. Р. Михельс, сформулировав «железный закон олигархии», сосредоточился на институциональной логике концентрации власти, фактически редуцируя элитогенез к результату организационной рационализации.

В рамках последующего развития политической теории элит доминировали институционально-функциональные и структурные подходы. Представители структурного функционализма (Т. Парсонс [21], Р. Мертон [16]) рассматривали элиты как носителей ключевых системных функций, обеспечивающих устойчивость и адаптивность социально-политических систем. Неоэлитистские и плюралистические концепции (Р. Даль [29], С. Хантингтон [28], Дж. Бернхэм) сместили акцент на анализ конкуренции элитных групп, механизмов политического участия и институциональных каналов рекрутирования власти. Однако и в рамках данных подходов ценностная проблематика, как правило, рассматривалась либо в контексте политической культуры, либо как элемент идеологического дискурса, не получая статуса самостоятельного фактора элитогенеза.

Существенный методологический вклад в развитие теории элит внесли исследования в русле институционализма и неоинституционализма. В работах Дж. Марча и Й. Олсена [30]

подчеркивается нормативно-культурная природа политических институтов, функционирующих не только как механизмы рационального выбора, но и как носители устойчивых норм, ценностей и идентификационных моделей. Тем не менее, даже в рамках данного направления аксиологический анализ элит преимущественно остается имплицитным и редко выводится на уровень самостоятельной исследовательской задачи.

В отечественной политической науке систематическое изучение элит активизировалось в постсоветский период, что было обусловлено трансформацией политических институтов и формированием новых властных конфигураций. Значительный вклад в развитие российской элитологии внесли исследования О.В. Гаман-Голутвиной [5; 6], О.В. Крыштановской [14], А.В. Дуки [10], А.И. Соловьева [27], П.Л. Карабущенко [13], А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, и других авторов, в которых анализируются механизмы рекрутирования и циркуляции элит, институциональные условия их функционирования, а также особенности взаимодействия элитных групп с политическими и социальными структурами.

При этом преобладающая часть отечественных исследований ориентирована на институционально-кадровые, социологические, этнические и сетевые аспекты элитогенеза. Ценностные основания деятельности элит, их мировоззренческие установки и цивилизационные ориентиры, как правило, рассматриваются фрагментарно и не образуют целостного аналитического контура. Исключение составляют работы, выполненные в рамках цивилизационного, культурно-исторического и аксиологического подходов.

Цивилизационное измерение анализа политических элит представлено в трудах Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона, а также в исследованиях отечественных авторов – А.С. Панарина, В.Л. Цымбурского, В.В. Багдасаряна, А.И. Фурсова. В рамках данных концепций элиты рассматриваются как носители и трансляторы цивилизационных кодов, обеспечивающие воспроизводство культурной идентичности и стратегическую целостность социума. Особое внимание уделяется роли элит в условиях цивилизационных разломов, кризисов идентичности и глобальных трансформаций.

Аксиологический подход к анализу власти и элит опирается на философскую традицию, представленную в трудах К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, И.А. Ильина и других мыслителей, в которых власть интерпретируется как форма социального служения, укорененная в нормативно-ценностных основаниях государственности. Современные исследования, развивающие данную проблематику, подчеркивают значимость ценностных установок элит для обеспечения легитимности, устойчивости и воспроизводимости политической системы.

Особое направление научного анализа составляют исследования советской и постсоветской элиты. В работах российских элитологов раскрываются особенности номенклатурной системы, трансформация идеала служения и эволюция ценностных оснований власти в условиях позднесоветского и постсоветского развития. Постсоветский этап характеризуется как период институциональной и ценностной гибридности элит, сочетающих элементы советского этатизма, либерально-рыночных установок и цивилизационного дискурса суверенитета.

Особое значение для развития российской элитологии имеют элитологические конгрессы, проводимые ростовской элитологической школой [22] под руководством А.В. Понеделкова и А.М. Старостина на базе Южно-Российского института управления РАНХиГС. Современные исследования, посвященные политическим элитам России в условиях социальных и экономических трансформаций XXI в., фиксируют тенденции институциональной консолидации, усложнения механизмов элитного рекрутирования и усиления нормативно-ценностного компонента политического дискурса. Вместе с тем аксиологическое измерение элитогенеза по-прежнему чаще интерпретируется как производное от политической конъюнктуры или идеологического проектирования, а не как глубинный структурообразующий фактор.

Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует о наличии методологического разрыва между институционально-функциональными теориями элит и подходами, ориентированными на системный анализ ценностно-цивилизационных оснований

элитогенеза. Данный разрыв обуславливает необходимость разработки интегративной исследовательской модели, в рамках которой политическая элита рассматривается не только как институционально организованная группа, но и как носитель устойчивых аксиологических матриц, определяющих логику ее формирования и воспроизводства.

Методы

Методологическую основу исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, сочетающий инструменты политической науки, элитологии и политической философии для комплексного анализа элитогенеза как ценностно-смыслового феномена.

Ключевыми методологическими основаниями выступают цивилизационный подход, рассматривающий политическую элиту как элемент «государства-цивилизации», что позволяет выявить логику преемственности и трансформации элитных моделей, а также специфику легитимации власти в российском политическом пространстве, и аксиологический подход, трактующий ценности как конституирующий фактор элитогенеза.

Эмпирический анализ обеспечивается историко-сравнительным методом, выявляющим эволюцию ценностных детерминант, и дискурс-анализом ключевых документов и публичных выступлений высшего политического руководства для реконструкции трансформации официального нарратива легитимации власти и изменения образа идеальной элиты в официальном политическом сознании.

Дополнительно применяются элементы структурно-функционального и институционального анализа, обеспечивающие рассмотрение взаимосвязи между ценностными ориентациями элит и институциональной архитектурой власти.

В совокупности избранная методология позволяет преодолеть редукционистские интерпретации элитогенеза и сформировать целостное представление о ценностных основаниях формирования и воспроизводства российской политической элиты в условиях цивилизационных трансформаций.

Результаты анализа

Современные геополитические и цивилизационные вызовы имеют ярко выраженный ценностно-идентификационный характер. Обострение системного противостояния с «коллективным Западом» после 2022 г. инициировало в политическом и экспертном пространстве России потребность в переходе от дискуссий о «конкуренции» к риторике «цивилизационного противостояния», выражающегося в обосновании цивилизационной несовместимости и стратегическом противостоянии ценностных устоев. Российский историк и политолог, профессор факультета политологии МГУ В.Э. Багдасарян отмечает, что «российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационно идентичном ценностном фундаменте. Этот фундамент был существенно отличен от того, на котором основывалось государственное бытие стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований являлось фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф» [2].

Рассмотрение российских политических процессов через призму концепта «государство-цивилизация» невозможно без анализа традиционных российских ценностей, поскольку именно «цивилизационная принадлежность определяет специфику менталитета, форм жизнеустройства, оптимума исторической успешности» [1]. Поэтому современный «аксиологический поворот» в политических науках требует разработки интегральной методологии, способной учитывать ценностные ориентации элитных групп как самостоятельный фактор политической динамики. Исследование аксиологических основ элитогенеза позволяет преодолеть фрагментарность существующих теоретических моделей. В текущих условиях глобальной трансформации, когда вопросы идентичности и суверенитета выходят на первый план, особую объяснительную силу обретает именно цивилизационный подход, поскольку в его рамках возможно исследование глубинных оснований как

исторической преемственности российской власти, так и ее современных стратегий легитимации и консолидации.

Классические теории, объяснявшие стабильность или смену элит в более закрытых и статичных обществах, плохо схватывают динамику, где легитимность власти все в большей степени строится на способности формулировать и защищать коллективную цивилизационную идентичность, а не только обеспечивать функциональное управление. Современный мир формулирует запрос на новый нарратив, способный консолидировать общество и элиты вокруг идеи защиты не просто территорий или интересов, а фундаментальных духовно-нравственных основ.

Переход к аксиолого-цивилизационной парадигме элитообразования предполагает рассмотрение элиты не только с точки зрения правящей группы, но и с точки зрения носителя определенного ценностно-мировоззренческого комплекса, определяющего миссию государства. Й. Олсен отмечает, что «политические институты являются как инструментами достижения блага, так и носителями ценностей, идентичностей и принципов...» [9].

Идеал служения воспроизводился и закреплялся через устойчивые корпоративные формы элитообразования. Каждая историческая эпоха создавала свой институциональный каркас, призванный не только готовить управленцев, но и формировать у них соответствующий ценностный код.

Основополагающее влияние на формирование ценностного облика русской элиты оказала византийская политическая теология, воспринятая вместе с христианством, центральной концепцией которой стала «симфония властей» – модель гармоничного союза церкви и государства, где император отвечает за земное благоденствие христианского общества, а патриарх – за его духовное здоровье. В рамках этой модели власть правителя рассматривалась как служение, миссия по защите веры и народа¹. Важно отметить, что русская политическая культура реципировала не столько правовые институты Византии, сколько ее духовно-нравственные и символические основания. Концепция «Москва – третий Рим», сформулированная после падения Константинополя, стала не просто идеологическим обоснованием имперских амбиций, но актом принятия на себя византийской миссии – защиты истинного христианства, что окончательно закрепило сакральный статус верховной власти. Православные концепты смирения, послушания и жертвенного служения, детально исследованные в трудах отечественных философов (К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева), формировали этос элиты как сословия, принимавшего на себя функции служения как традиционной ценности [12].

«Табель о рангах» Петра I рационализировала службу государю и Отечеству в качестве юридического и морального основания дворянского статуса, что сделало личную выслугу главным каналом вертикальной мобильности, не отменив при этом его сакрального наполнения. Следует отметить, что формирование элиты при Петре I по западноевропейскому образцу позволило России во многом отказаться от принципов местничества, знатности происхождения при отборе в правящую элиту и выстроить бюрократический аппарат управления, способный проводить абсолютную волю и власть монарха. Во время правления династии Романовых российская дворянская элита, наделенная привилегиями, эволюционировала от служилого сословия в направлении развития политического запроса на ограничение власти самодержца, установления конституционной монархии.

Однако, после поражения декабристов военно-бюрократический стиль управления Николая I, инициирует процесс дальнейшего превращения бюрократической элиты в самостоятельную политическую силу, способную влиять на власть. Здесь можно выявить процесс превращения элиты заслуг, формировавшейся при Петре I по критериям патриотизма, профессионализма и личной преданности государю-императору, в элиту привилегий, которая склонна паразитировать на политическом и материально-финансовом капитале предков.

---

¹ Политика и «полития» в Византийской традиции. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/47638.html> (дата обращения: 11.12.2025).

На протяжении значительной части своей истории, особенно в имперский период, российская элита характеризовалась высокой степенью закрытости и ограниченного социального рекрутирования. Она функционировала преимущественно как сословно-знатная каста, в которой доступ к власти и привилегиям определялся не меритократическими критериями (личными заслугами, интеллектуальными способностями или управленческими компетенциями), а происхождением, лояльностью и принадлежностью к определенным кланам. Правление Александра II ознаменовалось попыткой стратегической корректировки вектора развития империи посредством масштабных либеральных преобразований, глубинным предназначением которых была модернизация самого института элиты. Отмена крепостного права, земская и судебная реформы объективно создавали институциональные предпосылки для эволюции замкнутого сословия-корпорации, чей статус основывался на наследственной привилегии и служении персоне монарха в правящий класс, основанный на собственности, законе и публичной политической деятельности. Гипотетическое продолжение и углубление этого курса могло бы привести к формированию «демократической аристократии», или класса просвещенных землевладельцев-управленцев, выступающих проводником между государством и обществом. Однако, трагическая гибель императора в 1881 г. и последовавшая консервативная контрреформаторская политика Александра III прервали эту траекторию. Индустриальная модернизация, рост социальной напряженности и проникновение новых идеологий (либерализма, марксизма) размывали основание традиционной легитимности царской власти, детерминировали внутриэлитные противоречия в дворянских кругах и утрату властью доверия народа, что нашло отражение и разрешение в революциях 1905 и 1917 г. Эти революционные потрясения не были случайным сбоем или следствием лишь экономических трудностей. Они стали формой разрешения системного цивилизационного кризиса, суть которого заключалась в несовместимости архаичного ценностного кода имперской государственности с вызовами политической, социальной и экономической модернизации. Однако, как показала дальнейшая история, глубинные структуры цивилизационного кода, включая идеал служения и корпоративные формы организации элиты, не были уничтожены, а были адаптированы и реактуализированы в новой советской институциональной оболочке.

Вакуум власти, образовавшийся после падения монархии, создал уникальные условия для действий политических сил, поставившей своей целью полное уничтожение старой системы и построение новой, на радикально иных основаниях. Еще в 1902 г. в работе «Что делать?» В.И. Ленин сформулировал критерий отбора новой элиты, фундамент которой должен опираться на профессиональных революционеров, беззаветно преданных делу революции и обладающих железной дисциплиной [15]. Большевики мастерски трансформировали диффузное недовольство в целенаправленную ненависть ко всей прежней элите: дворянству, буржуазии, чиновничеству, офицерству, интеллигенции. Лозунги «Мир – народам!», «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!» выполняли двойную функцию: с одной стороны выполняя роль обещаний будущей социальной справедливости, с другой, приговор всему старому порядку. Террор, развернутый после захвата власти, представлял собой уничтожение наиболее активной, образованной части старой элиты, что должно было сделать возврат к прошлому невозможным. Этот процесс означал беспрецедентную в российской истории глубину элитного разрыва. При конструировании новой элиты большевики использовали новые ключевые критерии, в числе которых ортодоксальная верность марксистско-ленинской доктрине, безусловное подчинение партийной дисциплине и демонстрация идеологической благонадежности.

Партийно-номенклатурная система советского времени трансформировала идеал служения: официальная атеистическая идеология утверждала особую миссию СССР (а через него и его элиты) как носителя справедливости и защитника самобытности против «космополитического» Запада. Служение народу и «делу коммунизма», борьба за справедливость и сакрализация государственной мощи стали светскими аналогами прежних форм. Концепт «диктатуры пролетариата» на практике часто воспринимался как власть тех,

кто стоит за правду, облакая державную функцию элиты в «народные одежды». Однако, вопреки декларируемому равенству, номенклатура, являясь замкнутой «корпорацией», и как ее называл М. Восленский «самовластные господа» [4, с. 132] требовала демонстрации не только компетенций, сколько безусловной лояльности высшим ценностям системы. «Советская номенклатура ... на всех стадиях своего развития стремилась посредством обладания властью достичь личного материального обогащения и социального превосходства, была откровенно цинична, меркантильна» [18]. Положение в партийно-государственной иерархии определяло не только объем власти, но и доступ к особым благам. М. Джилас характеризует советскую номенклатурную элиту как «новый класс собственников и эксплуататоров» [7, с. 75]. Дихотомия повседневной публичной практики с лозунгами и партийной моралью, и частной практикой с закрытым распределением благ подрывала доверие к идеалам служения и справедливости. Именно напряжение между этими полюсами стало одной из важных причин идеологической эрозии системы.

Вместе с тем можно охарактеризовать XX век как период системных исторических вызовов, включая глобальное идеологическое противостояние между коммунизмом и капитализмом, смену ценностных ориентиров и трансформацию политической культуры. В этих условиях формирование Российской Федерации как одного из центров мировой политики было обеспечено, в числе прочих факторов, наличием в политической элите ряда фигур, продемонстрировавших и исключительный патриотизм, и стратегический талант, и способность к самопожертвованию. Квинтэссенцией данной модели стал милитаристско-мобилизационный режим в период Великой Отечественной войны, когда консолидация элит и общества перед лицом экзистенциальной внешней угрозы на основе патриотической социалистической идеологии и национальных интересов, обеспечила историческую победу и сохранение государственного суверенитета [26].

Качественно иным этапом элитогенеза стал постсоветский период, который характеризуется доминированием ценностей децентрализации, экономического индивидуализма и формального политического плюрализма. Механизм рекрутинга новой элиты базировался преимущественно на кадрах партийно-хозяйственной номенклатуры и активистах комсомольских структур, наиболее эффективно адаптировавшихся к условиям трансформационного кризиса и проявивших себя в процессах приватизации как экономических, так и властных ресурсов. Ключевым маркером того времени, как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, стало материальное преуспевание. Доминирующей социальной практикой стал «воинствующий гедонизм, возведенный в добродетель и доблесть», в то время как в качестве национальной идеи России стали деньги [5]. А.С. Панарин отмечал, что период 90-х, по сути, был состоянием «народа без элиты». По мнению мыслителя процессы раздела ресурсов страны проиллюстрировали элиту того времени как «бесчувственную к фактическому социальному неравенству и несправедливости» [19]. Анализируя процесс формирования постсоветской элиты можно сравнить с мозаичным переплетением старых и новых ценностных ориентаций. Старые паттерны поведения получили новые формы выражения, что породило феномен гибридности, выразившийся в сочетании рыночных и демократических институтов с авторитарными практиками и клановыми структурами.

Таким образом формирование ценностных ориентаций постсоветской элиты представляет собой результат сложного взаимодействия трех основных аксиологических моделей. Во-первых, это советская система ценностей, с приоритетом коллективных интересов и государственного патернализма. Во-вторых, либерально-рыночная модель, основанная на индивидуальной успешности и экономическом рационализме. В-третьих, цивилизационный подход, акцентирующий национальную идентичность, историческую преемственность и суверенитет.

Перспективы аксиологической эволюции постсоветской элиты связаны с процессами национальной идентификации, цифровизации и изменением глобального контекста. Возрастающее значение приобретают ценности компетентности, технологического лидерства и социального доверия. Однако до тех пор, пока доминирующей останется установка на

личное благополучие при слабой институциональной ответственности, можно говорить о сохранении аксиологической дуальности постсоветской элиты – сочетания традиционного государственничества и прагматического индивидуализма.

С 2000-х годов начался процесс реставрации моноцентрической модели на основе государственного патриотизма и властной вертикали, что привело к формированию гибридной элиты, синтезировавшей советские элитарные традиции с элементами рыночной экономики. Данная трансформация демонстрирует не линейную демократизацию, а циклическое развитие российской политической системы с сохранением фундаментальных основ национальной модели власти. Этап российского элитогенеза 2000-х гг. представляет собой многомерный процесс, допускающий две взаимосвязанные характеристики: с одной стороны, речь идет о качественном состоянии элиты, отражающее ее профессиональный состав, компетенции и ролевые функции; с другой, ключевое значение приобретают как институциональные, так и неформальные механизмы элитного рекрутинга и ротации. Ведущие исследователи ростовской элитологической школы А.В. Понеделков, А.М. Старостин отмечают, что данный этап российского элитогенеза характеризуется переходом элиты из открытого состояния в закрытое [23]. Ярко проявляющаяся тенденция при кадровых перестановках заключается преимущественно в перераспределении позиций между двумя условными поколенческими когортами: представителями «первого эшелона», сформировавшегося в ранний постсоветский период и более молодыми кадрами, прошедшими социализацию в условиях уже устоявшихся политико-административных институтов. Подобная тенденция обеспечивала преемственность при ограниченной циркуляции элит, что характерно для стадии зрелой институционализации властных структур.

Период 2000-2010 гг. можно охарактеризовать как конкурентный идеологический плюрализм, где различные идейные течения и стратегические ориентации не просто сосуществовали, а открыто соперничали за влияние в рамках формирующейся вертикали власти. Ценностный ландшафт элит того периода можно структурировать следующим образом.

– Либерально-технократическая элита, представленная высшими эшелонами экономического блока правительства («системные либералы»), представителями финансово-промышленных групп, интегрированных в глобальные рынки. Ключевыми ценностями этой элитной группы был в первую очередь экономический прагматизм, приоритет макроэкономической стабильности, интеграция в мировую экономику. Желаемый образ России будущего у этой части элиты связан с интеграцией в глобальное сообщество в стратегическом партнерстве с Западом.

– Этатистско-силовая часть элиты, представителями которой являлись «силовики», выходцы из спецслужб и правоохранительных органов, занявшие ключевые посты в государственных корпорациях и региональной власти. Аксиологические ориентиры, направленные на государственный суверенитет как высшую ценность, приоритет безопасности и контроля, централизацию управления, и недоверие к спонтанным рыночным и общественным процессам идеологически выразились через доктрину «суверенной демократии», сформулированной В. Сурковым в статье «Национализация будущего»². Она легитимизировала авторитарные практики через риторику защиты национальной модели от внешнего вмешательства.

– Для национал-патриотического сегмента элиты, представленного идеологически ангажированными интеллектуалами и частью политического истеблишмента, ценностным вектором выступает великодержавность, историческая преемственность с имперским и советским прошлым, культурный традиционализм, антизападничество и патернализм. Влияние этой элитной группы активно использовалось как инструмент мобилизации общественного мнения и оправдания геополитического курса. Вошедшая в 2006–2007 гг.

---

² Сурков В. Национализация будущего // Эксперт № 43 (537). 20 ноября 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (дата обращения: 10.01.2026).

в политический дискурс концепция «Русского мира» стала использоваться как в отношении вопроса о распространении русского языка и культуры, так и в качестве внешнеполитической доктрины.

– Региональные элиты (в том числе элиты национальных республик), ценностные ориентации которых смещены в сторону личной преданности, приоритета частных (групповых) экономических интересов над общегосударственными, стремление сохранить автономию в рамках федеративных отношений. Несмотря на то, что система подвергалась систематической эрозии в результате реформ по укрупнению регионов, созданию федеральных округов, отмене выборов губернаторов, в адаптированном виде она сохранилась как сеть неформальных патрон-клиентских отношений внутри формальных институтов.

К концу десятилетия прошло смещение баланса в пользу этатистско-силовой парадигмы. Либеральный дискурс начал смещаться на периферию принятия решений, а державно-патриотический, напротив, поставлен на службу государственнической риторике, что стало основой для последующей ценностной унификации элиты.

Конституционная реформа 2020 г. выступила социально-политическим триггером для системной переинституционализации властных отношений. Ранее существовавшие центры влияния были переформатированы в единую иерархическую конструкцию, что привело, во-первых, к снижению автономии губернаторского корпуса, отбор и ротация которого стали осуществляться по принципам административной целесообразности и политической лояльности с целью минимизации рисков возникновения альтернативных центров власти. Во-вторых, сформировалось устойчивое ядро из нескольких десятков лиц, принимающих ключевые стратегические решения. Доступ в это ядро жестко регламентирован и требует длительной карьерной траектории в рамках государственных или парагосударственных структур.

В условиях санкционного давления и перехода к мобилизационной экономической модели на первый план вышла прагматическая эффективность, выраженная в приоритете отраслевых компетенций элиты над политическим капиталом, формализации кадровых конкурсов, росте влияния силовых структур и спецслужб, чьи компетенции оказались максимально востребованы в условиях глобальных трансформаций.

Что касается аксиологической компоненты, то следует отметить трансформацию ценностного плюрализма 2000-х гг. через поиск национальной идеи до формирования к 2025 г. доминантной государственно-суверенитетной парадигме, ключевым элементом которой является переход дискурса особого пути и традиционных ценностей из сферы публичной риторики в базовые установки элиты. Элитные группы, ассоциируемые с прозападной ориентацией, либо интегрировались в новую ценностную парадигму, либо утратили влияние, что привело к снижению внутренней ценностной конкуренции.

Ключевой ценностный ориентир государственной политики последних нескольких лет задан рядом документов, в числе которых «Стратегия национальной безопасности» 2021 г. и Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Как подчеркивает М.А. Бислер идеологема «традиционных ценностей» трансформируется в инструмент политико-символического обозначения угроз, позволяющий перевести широкий круг социально-культурных и политических явлений в плоскость вопросов национальной безопасности. Это позволяет, с одной стороны легитимизировать законодательные и административные ограничения под лозунгом защиты социокультурного суверенитета, а, с другой, конструирует символические границы коллективной идентичности, формируя представление о необходимости консолидации общества вокруг российской элиты перед лицом экзистенциальных внешних и внутренних вызовов [3].

Нами был проведен дискурс-анализ Посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ за 2002, 2012, 2022-2024 гг., на основании которого можно выявить траекторию трансформации официального политического нарратива в России. Так, послание 2002 г.,

выдержанное в либерально-технократическом ключе, фокусировалось на экономическом росте и интеграции в глобальную экономику, где Запад выступал как стратегический партнер. К 2012 г. в дискурсе происходит системный консервативный поворот с доминированием защиты «духовных скреп» и национального суверенитета. Запад рассматривается уже как ценностный конкурент, угрожающий традиционной идентичности. Послания 2022-2024 гг. свидетельствуют о переходе к цивилизационно-мобилизационной парадигме, в которой «коллективный Запад» рассматривается с позиций экзистенциального врага, с которым необходимо бороться путем отстаивания исторической правды и сохранения суверенитета. Последнее послужило концептуальным определением нового вектора элитообразования, где идеалом провозглашается элита, основанная на принципах служения и преданности, персонифицированная в «тружениках и воинах», доказавших свою преданность стране³. Это свидетельствует о сознательном возрождении исторической модели «государевых людей», являющихся гарантами государственного суверенитета, культурной идентичности и цивилизационной автономии России.

Эволюция ценностных детерминант для российской элиты (табл. 1) представляет собой не постепенное изменение, а серию ценностных разрывов. Произошел переход от элиты как агента глобализации через этап ее трансформации в агента государственного контроля и ценностного консерватизма к формированию элиты как агента цивилизационной мобилизации и перманентного противостояния. Современные ценностные детерминанты требуют от элиты не просто управления, а участия в «священной войне» за суверенитет, где ее богатство и статус являются не личной привилегией, а инструментом и наградой за службу.

Таблица 1

Эволюция ценностных детерминант для российской элиты (2002 – 2024 гг.)⁴

	2002	2012	2022–2024
Источник легитимности и статуса	Деньги, компетенции, формальная лояльность.	Близость к власти и умение обеспечивать управляемость. Статус элиты определяется способностью реализовывать политический курс и контролировать вверенную сферу, будучи идеологически правильным.	Личное доверие центра и доказанная полезность в условиях противостояния с коллективным Западом.
Ценностный вектор легитимности элиты	Успех и легитимность власти обеспечиваются ее функциональной эффективностью, достигаемой не столько через меритократическую	Легитимность и эффективности власти достигаются через идеологическую лояльность элиты, сочетающую управленческую	Легитимности власти основана на тотальной идеологической солидарности элиты, реализующей миссию суверенного созидания в

³ Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 27.12.2025).

⁴ Составлена авторами на основании дискурс-анализа Посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ за 2002, 2012, 2022, 2023, 2024 гг.

	2002	2012	2022–2024
	компетентность, сколько через соответствие глобальным институциональным нормам.	компетентность с миссией защиты традиционных ценностей и цивилизационного суверенитета.	условиях цивилизационного противостояния.
Критерий эффективности	Эффективность власти обеспечивается созданием условий для интеграции и глобальные цепочки, что обеспечивает рост экономики и приток инвестиций.	Эффективность власти обеспечивается ее способностью управлять реализацией социально-политического курса и защищать национально-культурную идентичность.	Эффективность власти определяется практическим вкладом в укрепление стратегического суверенитета через реализацию импортозамещения, нацпроектов и демонстрацию «патриотической полезности» в условиях конфронтации.
Отношение к Западу	Партнер и ориентир. Западные модели являются образцом для подражания. Связи с Западом выступают характеристикой успешности и открытости.	Ценностный конкурент и геополитический оппонент. Запад становится источником опасной «либеральной» идеологии, угрожающей традициям. Связи допустимы, но с оглядкой на суверенитет.	Экзистенциальный враг. Любые связи с Западом (особенно идеологические, культурные, финансовые) являются признаком потенциальной нелояльности. Разрыв с Западом выступает обязательным условием легитимности.
Идеологический компонент	Прагматизм, деидеологизация. Идеология расценивается как помеха для эффективного управления и экономики.	Консервативная идеология. Традиционные ценности, патриотизм, историческая преемственность становятся обязательным мировоззренческим каркасом.	Идеология как основа выживания и идентичности. Традиционные ценности становятся оружием в «войне цивилизаций». Требуется не просто согласие, а активное миссионерство.

Формирующая в текущих условиях элита представляется как ценностно-гомогенная общность, атрибутами которой являются патриотизм, разделение традиционных ценностей и ориентация на национальные интересы. Это требование сочетается с декларируемой необходимостью сохранения социальной проницаемости для талантливых представителей

различных социальных групп, способных решать современные задачи, стоящие перед Россией, несмотря на наличие внутреннего напряжения между логикой корпоративной замкнутости и логикой меритократического отбора, необходимого для инновационного развития.

В рамках формирующейся модели, ключевые фигуры политического руководства действуют не как единоличные акторы, а как центры распределения лидерства, интегрирующие вокруг себя сети доверенных сторонников, соисполняющих лидерские функции на различных уровнях системы. Мы предполагаем, что опора на традиционные ценности, понимание высокой духовной миссии России позволит сформировать национально-ориентированный класс руководителей, радеющих не за свои частные интересы, а за общее благо, за сохранение и развитие уникального культурно-цивилизационного кода страны [24]. Эффективность политики в таких условиях в значительной степени детерминирована качеством межэлитных коммуникаций [8] и устойчивостью вертикальных и горизонтальных связей внутри правящего класса.

Российская модель элитогенеза демонстрирует высокую адаптивность к глобальным триггерам и под воздействием усиления цивилизационных факторов видоизменяется, что проявляется в ряде отчетливых трендов.

Во-первых, выход на первый план критерия приверженности официальному дискурсу традиционных ценностей и цивилизационной идентичности. Профессиональная компетентность и технократические навыки становятся необходимым, но недостаточным условием, дополняясь требованием идеологической благонадежности. Это ведет к маргинализации носителей альтернативных, не согласующихся официальным политическим дискурсом, ценностных систем.

Во-вторых, ожидается дальнейшее укрепление позиций консервативно-«почвеннического» крыла элиты, отстаивающего концепцию цивилизационного своеобразия и стратегической автономии, а влияние элитных групп с либерально-вестернизированной ориентацией будет существенно ограничиваться, хотя, несомненно, политическая необходимость в них будет оставаться, так как либеральная критика может быть инструментом внутренней корректировки политики.

В-третьих, в контексте конфронтационной внешней политики резко возрастает капитал представителей силовых структур, оборонно-промышленного комплекса и спецслужб. Их карьерные траектории все чаще проецируются на высшие административные и хозяйственные позиции.

В-четвертых, активно идет формирование специализированных образовательных институтов, деятельность которых нацелена на подготовку управленческих кадров с акцентом на патриотическое воспитание и усвоение цивилизационной доктрины. Создание кадровых резервов и проведение конкурсов и образовательных программ («Лидеры России», «Время героев», и их региональные аналоги) становятся механизмами контролируемой селекции лояльных претендентов.

В-пятых, наблюдается тренд по интеграции в систему относительно молодых технократов, способных генерировать нестандартные решения в рамках заданной ценностной парадигмы.

Наконец, в-шестых, в условиях мобилизационной экономики и усиления государственного регулирования снижение роли бизнес-элиты, которая интегрируется в логику общенациональных проектов [11], а ее лоббистский потенциал ставится под более жесткий административный контроль [25].

Совокупность обозначенных тенденций ведет к формированию модели элитогенеза, характеризующейся повышенной централизацией, идеологизацией и цивилизационной ориентированностью. Целью является создание управленческого класса, максимально автономного от глобальных влияний, глубоко интегрированного в проект «государства-цивилизации» и способного обеспечивать его устойчивость в условиях перманентного внешнеполитического противостояния.

Выводы

Результаты проведенного исследования подтверждают, что анализ процессов элитогенеза требует выхода за пределы узкоинституциональных и кадрово-рекрутационных моделей и обращения к комплексному рассмотрению политических институтов, процессов и технологий власти. Доминирующие в политической науке подходы, ориентированные на описание формальных механизмов функционирования институтов и процедур политического управления, недостаточно учитывают аксиологические основания, определяющие устойчивость и воспроизводимость институциональных конфигураций.

Анализ классических и современных элитологических концепций в соотнесении с институциональным подходом позволяет зафиксировать методологический разрыв между изучением политических институтов как формально-правовых конструкций и исследованием реальных практик функционирования власти. Установлено, что эффективность институтов государственного управления во многом зависит от степени их соответствия ценностным ориентирам доминирующих элитных коалиций, а также от способности последних интегрировать нормативные установки в политико-управленческие технологии.

Применение цивилизационно-аксиологического подхода позволило выявить, что политические процессы приобретают устойчивый характер лишь при наличии ценностной консолидации элит, обеспечивающей согласованность институциональных решений и управленческих стратегий. Дефицит такой консолидации проявляется в виде институциональной фрагментации, снижения управляемости политических процессов и роста транзакционных издержек в системе публичной власти.

В отношении современной российской политической системы установлено, что процессы элитообразования развиваются в условиях сочетания централизованных институциональных механизмов, бюрократических технологий управления и аксиологически неоднородных элитных установок. Данная конфигурация формирует особый тип политического процесса, в котором ценностный дискурс выполняет компенсаторную и стабилизирующую функцию по отношению к институциональным ограничениям и социальным ожиданиям. Вместе с тем сохраняющаяся ценностная неоднородность элит создает предпосылки для латентных институциональных дисфункций.

Выдвинутая в исследовании гипотеза о системообразующей роли ценностных факторов в структуре политических институтов и процессов находит теоретическое подтверждение. Ценности выступают не только элементом политической легитимации, но и фактором институциональной устойчивости, определяющим эффективность политических технологий и воспроизводство управленческих практик. Их игнорирование в анализе политических процессов ведет к искаженной оценке динамики институциональных изменений и рисков политической дестабилизации.

Литература

1. Багдасарян В.Э. Аксиология России в перспективе мирового развития // Политика и общество. – 2014. – № 7(115). – С. 837-854. – DOI: 10.7256/1812-8696.2014.7.12485.
2. Багдасарян В.Э. О методологии государства-цивилизации. Русский ракурс // Изборский клуб. – 2024. – № 7-8. – С. 57-73.
3. Бислер М.А. Традиционные ценности в документах стратегического планирования и риторике властвующей элиты России // Политика. – 2025. – № 3 (118). – С. 6-31. – DOI: 10.30570/2078-5089-2025-118-3-6-31.
4. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия, 1991. – 624 с.
5. Гаман-Голутвина О.В. Метафизические измерения трансформаций российских элит // Политическая концептология. – 2012. – № 3. С 38-53.
6. Гаман-Голутвина О.В. Российские элиты как предмет научного анализа // Общество и экономика. – 2008. – № 3-4. – С. 175-196. – EDN JULUPT.
7. Джилас М. Новый класс. – Нью Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961. – 248 с.

8. Добровольская Ю.А. Политическое лидерство в социальных медиа: коммуникационный аспект // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М.А. Бонч-Бруевича. – 2019. – № 11. – С. 30-34. – EDN WLLYWP.
9. Донова Е.В. Олсен Й. Политическая организация Европы: дифференциация и объединение Лекция памяти С. Роккана // Политическая наука. – 2006. – № 4. – С. 171-178. – EDN HVPROR.
10. Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. – 2009. – № 1(62). – С. 142-159. – EDN KDYFWZ.
11. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Мобилизационная экономика в России: вчера, сегодня и завтра // Этап: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 3. – С. 7-27. – DOI 10.24412/2071-6435-2022-3-7-27. – EDN KTGBRL.
12. Иванова М.Е., Резепова Н.В. Служение отечеству и ответственность за его судьбу – традиционная ценность многонационального народа России // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 2(176). – С. 40-48. – EDN HTVBAR.
13. Карабущенко П.Л. Элита как ценность: смысл избранности // Ценности и смыслы. – 2016. – № 1(41). – С. 48-62. – EDN WAAIVD.
14. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
15. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. – М.: Политиздат, 1980. – 208 с.
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
17. Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии: монография / пер. с нем. И. Ивакиной; под науч. ред. Д. Карасева. – М.: Дело (РАНХиГС), 2022. – 448 с.
18. Нисневич Ю.А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. Монография. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 240 с. с. 11
19. Панарин А.С. Философский бестселлер. Народ без элиты. – М.: Алгоритм, 2006. – 350 с.
20. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А. А. Зотова. – 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
21. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
22. Понеделков А.В. Ростовская научная школа политической элитологии в ретроспективе и перспективе // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Том 14. – № 3. – С. 227-240. – DOI 10.18522/2227-8656.2025.3.19. – EDN NWUBUS.
23. Понеделков А.В., Старостин А.М. Постсоветская эволюция региональных и местных административно-политических элит России // Pro Nunc. Современные политические процессы. – 2006. – Т. 7, № 4. – С. 69-85. – EDN OUVTHN.
24. Понеделков А.В., Старостин А.М. Элитогенез и элитное позиционирование в контексте формирования новых властных порядков. Очерки политической элитологии. Монография. – Ростов н/Д.: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2023. – 208 с.
25. Ревягин Г.Д., Ревягина Н.Г. Трансформация цивилизационных детерминант в эпоху глобальных кризисов и их воздействие на российский элитогенез // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – №2. – С. 220-226. – DOI 10.22394/2079-1690-2024-1-2-220-226. – EDN GICFJM.
26. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа // Труды Института российской истории РАН. – 2012. – № 10. – С. 155-176. – EDN RUAOSZ.
27. Соловьев А.И. Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства // В кн. Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 2. – СПб.: Интер социс, 2015. – С. 152-170.
28. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В.Р. Рокитянского. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

29. Dahl R.A. A Critique of the Ruling Elite Model // American Political Science Review. – 1958. – Vol. 52. – № 2. – Pp. 463-469.
30. March J.G., Olsen J.P. Ambiguity and Choice in Organizations. – Bergen, Norway: Universitetsforlaget. – 1976. – 408 p.
31. Mosca G. The Ruling Class. – New York: Greenwood Press, 1980. – 514 p.

References

1. Bagdasaryan V.E. Aksiologiya Rossii v perspektive mirovogo razvitiya. [Axiology of Russia in the Perspective of Global Development]. Politika i obshchestvo. [Politics and society]. 2014, I. 7 (115), pp. 837-854. – DOI: 10.7256/1812-8696.2014.7.12485. (In Russian).
2. Bagdasaryan V.E. O metodologii gosudarstva-tsvilizatsii. Russkiy rakurs. [On the methodology of the state-civilization. Russian perspective]. Izborskiy klub. [Izborsk Club]. 2024, I. 7-8, pp. 57-73. (In Russian).
3. Bisler M.A. Traditsionnyye tsennosti v dokumentakh strategicheskogo planirovaniya i ritorike vlastvuyushchey elity Rossii. [Traditional values in strategic planning documents and the rhetoric of Russia's ruling elite]. Politiya. [Polity]. 2025, I. 3 (118), pp. 6-31. – DOI: 10.30570/2078-5089-2025-118-3-6-31. (In Russian).
4. Voslenskiy M. Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza. [The nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. – Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1991, 624 p. (In Russian).
5. Gaman-Golutvina O.V. Metafizicheskiye izmereniya transformatsiy rossiyskikh elit. [Metaphysical dimensions of the Transformations of the Russian Elites]. Politicheskaya kontseptologiya. [Political conceptology]. 2012, I. 3, pp. 38-53. (In Russian).
6. Gaman-Golutvina O.V. Rossiyskiye elity kak predmet nauchnogo analiza. [Russian elites as a subject of scientific analysis]. Obshchestvo i ekonomika. [Society and economy]. 2008, I. 3-4, pp. 175-196. EDN JULUPT. (In Russian).
7. Dzhalas M. Novyy klass. [New class]. N'yu York: Frederik A. Preger, 1961, 248 p. (In Russian).
8. Dobrovolskaya, YU.A. Politicheskoye liderstvo v sotsial'nykh media: kommunikatsionnyy aspekt. [Political leadership in social media: a communication aspect]. Vestnik Gumanitarnogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta telekommunikatsiy im. professora M.A. Bonch-Bruyevicha. [Bulletin of the Faculty of Humanities of the St. Petersburg State University of Telecommunications named after Professor M.A. Bonch-Bruevich]. 2019, I. 11, pp. 30-34. EDN WLLYWP. (In Russian).
9. Donova E.V. Olsen Y. Politicheskaya organizatsiya Yevropy: differentsiatsiya i ob'yedineniye Lektsiya pamyati S. Rokkana. [J. Olsen the Political organization of Europe: Differentiation and Unification Lecture in memory of S. Rokkan]. Politicheskaya nauka. [Political science]. 2006, I. 4, pp. 171-178. EDN HVPROP. (In Russian).
10. Duka A.V. «Elity» i elita: ponyatiye i sotsial'naya real'nost'. ["Elites" and the elite: the concept and social reality]. Rossiya i sovremennyy mir. [Russia and the modern world]. 2009, I. 1 (62), pp. 142-159. EDN KDYFWZ. (In Russian).
11. Ivanov O.B., Bukhval'd E.M. Mobilizatsionnaya ekonomika v Rossii: vchera, segodnya i zavtra. [The Mobilization Economy in Russia: yesterday, today and tomorrow]. Etap: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. [Stage: economic theory, analysis, practice]. 2022, I. 3, pp. 7-27. DOI 10.24412/2071-6435-2022-3-7-27. EDN KTGBRL. (In Russian).
12. Ivanova M.E., Rezepova N.V. Sluzheniye otechestvu i otvetstvennost' za yego sud'bu - traditsionnaya tsennost' mnogonatsional'nogo naroda Rossii/ [Service to the Fatherland and responsibility for its fate is a traditional value of the multinational people of Russia]. Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. [Ethnosocium and interethnic culture]. 2023, I. 2 (176), pp. 40-48. EDN HTVBAR. (In Russian).
13. Karabushchenko P.L. Elita kak tsennost': smysl izbrannosti. [The elite as a value: the meaning of being chosen]. Tsennosti i smysly. [Values and meanings]. 2016, I. 1(41), pp. 48-62. EDN WAAIVD. (In Russian).

14. Kryshchanovskaya O.V. Anatomiya rossiyskoy elity. [The anatomy of the Russian Elite]. Moscow: Zakharov, 2005, 384 p. (In Russian).
15. Lenin V.I. Chto delat'? Nabolevshiye voprosy nashego dvizheniya. [What to do? Pressing issues of our movement]. Moscow: Politizdat, 1980, 208 p. (In Russian).
16. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. [Social theory and social structure]. Moscow: AST, 2006, 873 p. (In Russian).
17. Mikhel's R. Sotsiologiya politicheskoy partii v usloviyakh sovremennoy demokratii: monografiya. [The Sociology of a Political Party in a Modern Democracy: a monograph]. Moscow: Delo (RANKHiGS), 2022, 448 p. (In Russian).
18. Nisnevich YU. A. Politika i korruptsiya: korruptsiya kak faktor mirovogo politicheskogo protsessa. Monografiya. [Politics and corruption: corruption as a factor in the global political process. The monograph]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt, 2026, 240 p. (In Russian).
19. Panarin A.S. Filosofskiy bestseller. Narod bez elity. [A philosophical bestseller. A nation without an elite]. Moscow: Algoritm, 2006, 350 p. (In Russian).
20. Pareto V. Kompendium po obshchey sotsiologii. [Compendium of General Sociology]. Moscow: Izd. dom GU VSHE, 2008, 511 p. (In Russian).
21. Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh. [About social systems]. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2002, 832 p. (In Russian).
22. Ponedelkov A.V. Rostovskaya nauchnaya shkola politicheskoy elitologii v retrospektive i perspective. [Rostov Scientific School of Political Elitism in retrospect and perspective]. Gumanitarniy Yuga Rossii. [Humanities of the South of Russia]. 2025, V. 14, I. 3, pp. 227-240. DOI 10.18522/2227-8656.2025.3.19. EDN NWUBUS. (In Russian).
23. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Postsovetskaya evolyutsiya regional'nykh i mestnykh administrativno-politicheskikh elit Rossii. [The post-Soviet evolution of Russia's regional and local administrative and Political elites]. Pro Nunc. Sovremennyye politicheskiye protsessy. [Pro Nunc. Modern political processes]. 2006, V. 7, I. 4, pp. 69-85. EDN OUVTHN. (In Russian).
24. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Elitogenez i elitnoye pozitsionirovaniye v kontekste formirovaniya novykh vlastnykh poryadkov. Ocherki politicheskoy elitologii. Monografiya. [Elite genesis and elite positioning in the context of the formation of new power orders. Essays on political elitology. The monograph]. Rostov n/D.: Izdatel'stvo YURIU RANKHiGS, 2023, 208 p. (In Russian).
25. Revyagin G.D., Revyagina N.G. Transformatsiya tsivilizatsionnykh determinant v epokhu global'nykh krizisov i ikh vozdeystviye na rossiyskiy elitogenez. [The Transformation of civilizational determinants in the era of global crises and their impact on Russian elitism]. Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski. [State and municipal administration. Scientific notes]. 2024. I. 2, pp. 220-226. DOI 10.22394/2079-1690-2024-1-2-220-226. EDN GICFJM. (In Russian).
26. Senyavskiy A.S., Senyavskaya E.S. Transformatsiya sovetskoy ideologii v period Velikoy Otechestvennoy voyny i yeye vliyaniye na psikhologiyu naroda. [The transformation of Soviet ideology during the Great Patriotic War and its impact on the psychology of the people]. Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN. [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. 2012, I. 10, pp. 155-176. EDN RUAOSZ. (In Russian).
27. Solov'yev A.I. Pravyashchaya elita Rossii: k voprosu o mekhanizmax i tekhnologiyakh politicheskogo gospodstva. [The ruling elite of Russia: on the question of mechanisms and technologies of political domination]. Vlast' i elity. [Power and elites]. V. 2. SPb.: Inter sotsis, 2015, pp. 152-170. (In Russian).
28. Khantington S. Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh. [Political order in changing societies]. Per. s angl. V. R. Rokityanskogo. Moscow: Progress-Traditsiya, 2004, 480 p. (In Russian).
29. Dahl R.A. A Critique of the Ruling Elite Model. American Political Science Review. 1958. V. 52, I. 2, pp. 463-469.

30. March J.G., Olsen J.P. Ambiguity and Choice in Organizations. Bergen, Norway: Universitetsforlaget. 976, 408 p.
31. Mosca G. The Ruling Class. New York: Greenwood Press, 1980, 514 p.